

ОБРАЗОВАНИЕ И РЕЛИГИЯ

УДК 37.01:26
ББК 431.0

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ КАК СОДЕРЖАНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

Н. Б. Костина

Активное оживление религиозной жизни в России в последнее десятилетие XX века может представляться со стороны как процесс стихийного «заполнения» создавшегося идеологического вакуума, неконтролируемого роста масштабов распространения религиозной идеологии в ее разных конфессиональных формах. Однако это обманчивое впечатление, возрождение религиозной жизни осуществляется при содействии государства, которое, по мнению государственных служащих, активно способствует возрождению религиозной жизни: интенсивно идет процесс возвращения религиозным объединениям культовых зданий для использования в функциональных целях, выделяются средства на их восстановление и реставрацию; разрабатываются принципы взаимодействия систем светского и религиозного образования. В то же время государство противодействует религиозному радикализму и экстремизму, контролирует соблюдение закона о свободе совести, обеспечение равенства прав религиозных объединений различной конфессиональной направленности, что особенно важно в условиях российской поликонфессиональности [1].

Одной из важнейших проблем в «выстраивании» отношений между религиозными объединениями и государством, верующими и неверующими гражданами является нахождение, с одной стороны, форм оптимального взаимодействия светского и религиозного воспитания и образования и их места в обществе, с другой – допустимых границ влияния религиозного воспитания на образовательный процесс, осуществляемый в светских учебных заведениях. Особенно острой эта проблема становится с середины 90-х гг. в связи с тем, что «стали действовать десятки различных партий и движений, выступающих с требованием обязательного религиозного воспитания детей, введения препода-

давания религии в школах, создания церковных структур в армии и т. д. Под эти требования подводилась мощная историческая и культурологическая база» [2, с. 4].

Данная проблема многоаспектна, крайне интересна и весьма актуальна, тем более что масштабы религиозного образования в России значительно выросли. Система религиозного образования представлена сегодня на всех уровнях – от детских садов до высших учебных заведений и послевузовской подготовки, а введение в ряде учебных заведений, хотя и в статусе факультативов, таких курсов, как «Основы православной веры», «История Русской Православной Церкви», «Старославянский язык», уже стало реальностью.

Безусловно, особое значение развитию религиозного образования придают иерархи разных конфессий, и обусловлено это тем, что оно является важнейшим средством воспроизводства религии в обществе, сохранения и расширения ее воздействия на жизнь людей. Можно даже сказать, что от того, насколько будут развиты как собственно религиозное образование, так и его тесные контакты с образованием светским, зависит будущее самой религии. Так, в «Основах новой социальной концепции Русской Православной Церкви» отмечается, что с православной точки зрения желательно, чтобы вся система образования была построена на религиозных началах и основана на христианских ценностях, обосновывается готовность строить отношения со светской школой, исходя из признания человеческой свободы, недопустимости навязывания учащимся антирелигиозных и антихристианских идей, полезность и необходимость проведения уроков христианского вероучения в светских школах по желанию детей и их родителей, а также в вузах. Для реализации международно признанного права верующих семей на получение детьми религиозного образования и воспитания церковью создаются православные общеобразовательные учебные заведения; при этом она ожидает поддержки со стороны государства [3].

РПЦ исходит из идеи тесной связи воспитания и образования и видит свою миссию в содействии светской школе в деле воспитания детей и молодежи. Подобную позицию разделяют и многие светские педагоги, ученые и государственные служащие, среди них можно назвать академика РАО Н. Д. Никандрова, министра образования РФ В. М. Филиппова. Министерство образования предпринимает шаги по расширению возможностей организации занятий (вне обязательного школьного расписания и только для желающих), пос-

вященных религиозному воспитанию и образованию, высоко оценивает благотворительную деятельность РПЦ среди обездоленных детей и юношества. В. М. Филиппов считает, что многие задачи воспитания и образования детей и юношества можно решить без отказа от светского характера школы, но при более тесном взаимодействии органов управления образованием и самих учебных заведений с РПЦ [4]. При этом особая роль отводится религиозным объединениям в нравственном и патриотическом воспитании детей и юношества.

Среди светских педагогов еще иногда встречаются мнения, что главной задачей школы является, прежде всего, трансляция знаний, передача информации, воспитанием же должны заниматься не учителя, ведущие уроки, а организаторы внеклассной работы, воспитатели, даже если это и делается в той же самой школе, после обязательных уроков. Иными словами, процессы воспитания и образования разделяются как во временном отношении, так и по субъектам их осуществления. Подобная позиция полностью отвергается религиозными иерархами и педагогами. Конечно, с ними можно (и нужно!) очень серьезно спорить о том, какое участие могут принимать религиозные объединения в осуществлении образовательного и воспитательного процессов в светской школе, но следует признать их правоту в одном: образование и воспитание нельзя отделять друг от друга. Вспоминая народную мудрость, гласящую: «свято место пусто не бывает», нужно отдавать себе отчет в том, что, если светские учебные заведения перестанут заниматься воспитанием детей и юношества, религиозные объединения возьмут эту функцию на себя. И уж тогда-то никакой речи не может быть о мировоззренческой нейтральности, отсутствии навязывания мыслей и даже чувств, ибо важнейшей составляющей религиозного воспитания и образования является усвоение не только идей, доктрин, норм внешнего поведения, но, прежде всего, стереотипов эмоционально-чувственного восприятия мира.

Сотрудничество светской системы образования и религиозных объединений, безусловно, будет развиваться, но, чтобы в этом процессе не броситься в ту или иную крайность, не «наломать дров», отдав «на откуп» церкви воспитание детей и юношества, надо хорошо представлять себе, как понимает цели и задачи религиозного образования и воспитания сама церковь. Где граница допустимого взаимодействия светских учебных заведений и религиозных объединений в воспитании? Такую границу предстоит еще выявить и обосновать, а для этого важное значение имеет характеристика содержания и специфики

религиозного воспитания и образования, тем более, что РПЦ, равно как и другие церкви, как уже отмечалось, не отделяет воспитание и образование друг от друга. Более того, отличительной особенностью религиозного образования является его теснейшая связь с воспитанием. На это постоянно обращают внимание религиозные деятели и педагоги.

Так, Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексей II отмечает, что передача знания никогда не была отвлеченным делом, отделенным от развития навыков благочестия и воспитания христианских добродетелей, а формирование нравственной личности, цельной и целомудренной – главнейшая задача образования [5, с. 3]. Причем в данном случае имеется в виду образование в целом, а не только религиозное. Целью же религиозного образования, по мнению высших церковных иерархов, выступает формирование определенного типа личности, развитие ее духовности, формирование внутренней системы ценностей, которая должна составить основу всей жизни человека. Православные священники считают результатом религиозного образования не столько приобретение суммы богословских знаний, сколько духовный опыт, особое устроение человеческой души, и достижение его, по их мнению, возможно лишь в совокупности с процессом глубинного воспитания.

В «Основах новой социальной концепции РПЦ» отмечается, что «возгревание в юных сердцах устремленности к Истине, подлинного нравственного чувства, любви к ближним, к своему отечеству, его истории и культуре – должно стать задачей школы не в меньшей, а может быть и в большей мере, чем преподавание знаний» [3]. Именно в формировании этих чувств церковь и видит свое содействие светской школе в ее воспитательной миссии. Естественно, в собственно религиозном воспитании культивирование чувств занимает не просто бо льшее место, оно становится основной задачей. Вот на этой его специфической особенности мы и остановимся более подробно.

Все стороны жизни верующего отличаются высокой степенью организованности, средством обеспечения которой выступают религиозные институты. Под последними мы понимаем совокупность норм, разделяемых субъектами религиозной деятельности и обеспечивающих организованность этой деятельности и отношений, что проявляется в предсказуемости действий и мыслей каждого верующего, определенности его религиозного мировоззрения и чувствования. Религиозные нормы, принуждающие верующих к совершению соответствующих действий и ритуалов, благодаря чему существуют и воспро-

изводятся как религия в целом, так и объединения верующих, мы будем называть **конфессиональными институтами**, а внутреннюю регламентацию, выступающую в виде стереотипов чувствования и восприятия – **конфессиональными институтами**. Термин «конфессиональные институты» охватывает нормы, регулирующие отношения верующих к богу, собственной жизни, другим людям, предписывающие способы отправления конкретных культовых действий, ритуалов, взаимодействия со священнослужителями. Значение этих норм состоит в том, что их выполнение, в конечном счете, должно обеспечить верующему достижение спасения. Конфессиональные институты регулируют, прежде всего, организацию культовой практики, но в силу этического характера, а также того, что эта практика осуществляется в земной жизни, они оказывают влияние и на светскую деятельность.

Конфессиональные институты – регламентированные, предписанные религиозные чувства, переживания, восприятия, обладающие устойчивостью и постоянно воспроизводящиеся. Использование термина «конфессиональные институты», наряду с термином «конфессиональные институты», позволяет выявить специфику институционализации религиозной жизни, состоящую в том, что жесткой регламентации подвергаются не только поведение и мысли верующих, но и их чувства и эмоциональные состояния. Последователи каждой конфессии являются носителями не только одних и тех же доктринальных идей, руководствуются не только одними и теми же нормами, но, кроме этого, обладают и одинаковыми чувствами, важнейшим из которых выступает возникающее на основе религиозной веры чувство «мы», принадлежности к религиозной общности, объединяющее ее членов и противопоставляющее их другим общностям, осознаваемым как «они». Воспроизводство конфессиональных институтов и институций, обеспечивающее устойчивое существование религиозных общностей, осуществляется в процессе воспитания и образования, поэтому религиозные деятели придают последним такое важное значение.

Религиозные институты имеют, по сравнению со светскими, ряд специфических особенностей. Они более консервативны, потому что их генезис связывается с авторитетом бога. В религиях откровения нормы рассматриваются как результат божественного откровения, в нетеистических религиях – как следствие духовной деятельности индивидов, обладающих особым – пророческим – даром.

Отличительным признаком религиозных норм является область их применения: соблюдение предписанного ими обращено не просто в будущее, а в будущее потустороннее, и должно, в конечном счете, привести к обретению верующими спасения. Эти нормы характеризуются также двойственной направленностью. Если светские нормы упорядочивают только посюсторонние отношения, то религиозные регламентируют как некоторые стороны светской деятельности, так и действия по достижению трансцендентной цели. Последнее является их важнейшей функцией. В современном обществе религия утратила регулятивную роль по отношению к экономической, политической сферам, международным отношениям, взаимодействие между субъектами деятельности осуществляется прежде всего на правовой основе. В таком случае направленность религиозных норм на светскую жизнь ограничивается предписанием определенных способов действий и отношений в мирской жизни только верующим, неверующие оказываются вне воздействия этих институтов.

Конфессиональные нормы этического содержания имеют всеобщий характер, т. е. содержащиеся в них предписания распространяются на всех без исключения приверженцев религиозной конфессии. Всеобщность норм уравнивает верующих: все без исключения христиане должны следовать заповедям, сформулированным в Нагорной проповеди, а каждый приверженец буддизма должен следовать восьмеричному пути спасения. Требования, которые должен выполнять один член религиозной общности по отношению к другим, предписываются и всем другим входящим в нее индивидам по отношению к нему. Всеобщность конфессиональных норм означает не что иное, как требование и обеспечение отношений сотрудничества и взаимопомощи между членами религиозной общности, отказа от действий, наносящих взаимный вред. Следование этим нормам на практике «страхует» членов общины от различных случайностей, способствует устойчивому существованию религиозных общностей.

Однако верующий, следующий религиозным нормативным предписаниям, будет выполнять их не только в то время, когда взаимодействует с другими членами общности или единомышленниками, но и вне этого взаимодействия. Иными словами, институционализация религиозной деятельности и отношений косвенно проявляется в различных поступках верующих, прежде всего – в межличностных отношениях. Регулируя культовую практику и в ее процессе формируя определенные стереотипы поведения, религиозные институты опосредованно воздействуют на отношение верующего к другим людям, госу-

дарству, обществу в целом, природе, а также и к самому себе. Но ведь любой верующий – целостная личность, а не механическое соединение религиозного и нерелигиозного, и он руководствуется воспринятыми и усвоенными им религиозными нормами и институтами, осуществляя не только культовую практику, но и светские виды деятельности. Например, если в религиозной общности нормативными предписаниями являются почитание старших, помощь ближнему, вежливое и внимательное отношение друг к другу, осуждение зависти и т. п., верующий руководствуется ими и за пределами этой общности, в профессиональной и иной деятельности. Конфессиональные институты и институции, таким образом, косвенно охватывают своими предписаниями и другие области человеческого существования в силу их этического характера. Воспроизводство их посредством религиозного воспитания и образования, в свою очередь, обуславливает влияние, опять же косвенное, последнего на светскую жизнедеятельность. Поскольку, наряду с религиозными общностями, религиозные воззрения, культовые практики и институты передаются и закрепляются в семье, религиозные иерархи уделяют ей очень большое внимание, в частности, рассматривая ее как домашнюю церковь.

Механизмы принуждения к выполнению конфессиональных норм имеют двойной характер. Среди них можно выделить:

- внешние репрессивные способы принуждения (отлучение от церкви, инквизиция, физическое принуждение),
- формирование способности к самопринуждению посредством воспитания у верующих определенных чувств. Если первый является общим для всех видов социальной регуляции, а специфика религиозных санкций здесь проявляется в апелляции к священным и сверхъестественным авторитетам и в методах воздействия, то второй обладает принципиальным отличием. Процесс самопринуждения имеет место при соблюдении любых норм, но только выполнение конфессиональных норм воспринимается субъектом не как принуждение, а скорее как благое дело. Способность к самопринуждению формируется у индивида исключительно в процессе религиозного воспитания особыми средствами: через абсолютное доверие религиозным лидерам, «старцам», подавление своего «Я». Специфической чертой религиозной регуляции выступает использование культа святых, который поддерживает, «подпитывает» механизм следования нормам: на примере других показывается, что трансцендентная цель достижима, а для этого нужно чувствовать и действовать так, как

пророки и святые, т. е. следовать их примеру. Поддержание и развитие культа святых, подвижников, распространение информации об их жизни занимает значительное место в воспитательной функции религиозных общностей.

В священных писаниях разных религиозных конфессий содержится положение о том, что верующий должен выполнять предписания не под страхом наказания, а прежде всего «по совести», что будет наиболее действенным для достижения спасения. Готовность к самопринуждению воспринимается самим верующим как добровольный внутренний духовный выбор и базируется на предписанных привычках мышления, чувствования, эмоциональных состояний, т. е. на институциях. Между конфессиональными институтами и институциями имеется тесная взаимосвязь: существуют нормы, выполнение которых обеспечивает воспроизводство чувств, а последние, в свою очередь, контролируют выполнение норм. В то же время в зависимости от выполнения или невыполнения нормативных предписаний (институтов) возникают соответствующие институции, которые можно подразделить на институтосохраняющие и институторазрушающие.

Так, в результате нарушения конфессиональных норм возникают определенные чувства, причем как у самого субъекта, нарушившего предписания (вина, раскаяние), так и у окружающих, которые осуждают нарушителя, испытывают по отношению к нему чувства негодования, презрения. Следствием такой реакции со стороны общности может стать отлучение от нее провинившегося, а поскольку верующий очень дорожит отношением общности, он будет стремиться сохранить ее расположение, выполняя нормативные требования, дабы не вызывать в свой адрес негативных эмоций. Институторазрушающие конфессиональные институции, напротив, направлены на осуждение существующих религиозных норм, традиций, обычаев, формируют у верующих негативное отношение к ним, установку на невыполнение предписаний. В периоды религиозной стабильности преобладают институтосохраняющие чувства, во времена религиозных потрясений и конфликтов, связанных с появлением новых течений, – институторазрушающие (например, период Реформации). Формирование и воспроизводство таких институций также осуществляется в процессе воспитания.

Если светские институции содержат стандарты чувств, предписанных людям по отношению к другим, то конфессиональные можно подразделить на два вида. К первому относятся предписанные состояния, направленные непос-

редственно на трансцендентные объекты, ко второму – чувства, которые предписываются по отношению к другим людям и феноменам светской жизни. В священных книгах всех известных религий предписывается комплекс чувств и эмоций, которые должен испытывать верующий по отношению не только к трансцендентности, но и к родителям, единоверцам, инакомыслящим, к труду, живой и неживой природе и т. п. При этом эмоциональное отношение к светскому миру опосредовано переживаниями трансцендентного. Например, из любви к богу вытекают готовность жертвовать своими удобствами, принять лишения и страдания, посвятить себя благотворительной деятельности; чувство подвластности некой высшей силе делает радостным смирение, приводит к религиозному вдохновению. Весьма трудно себе представить, чтобы полное смирение в отношениях с руководителем при осуществлении профессиональной деятельности давало человеку вдохновение, радость, другие положительные эмоции.

Конфессиональные институты оказывают некоторое, подчас весьма значительное влияние и на светские институты и институции, поэтому через формирование соответствующих чувств религиозное воспитание становится составляющей процесса воспитания в целом. Это налагает большую ответственность как на учреждения, осуществляющие процесс религиозного воспитания и образования, так и на инстанции, контролирующие этот процесс. Безусловно, религиозные объединения и государственные учреждения должны объединить усилия в предотвращении воспитания таких чувств, как религиозная исключительность и нетерпимость к инакомыслию, ненависть, которые воплощаются в идеях и нормах, оправдывающих экстремизм, терроризм, членоконанавистничество. В то же время проповедь ненасилия, уважения к человеческой личности, милосердия и сотрудничества, произнесенная с церковной кафедры, воспринимается верующим без сомнений и как руководство к действию. Поэтому особенно важна позиция тех людей, которые осуществляют процесс религиозного воспитания и образования.

В зависимости от того, насколько «вписаны» в жизнь и сознание верующего конфессиональные институты, можно выделить внешнюю и внутреннюю религиозность. Под внешней религиозностью обычно понимают выполнение ритуалов как дань традиции; религиозные идеи и культовые действия не занимают в жизни людей значительного места, а нерелигиозные чувства преобладают над религиозными. В таком случае люди, даже считающие себя веру-

ющими, весьма спокойно относятся к тому, что не переживают многих особых состояний, для них важнее выполнение внешних предписаний: они отмечают праздники и ходят в церковь, но не испытывают чувства вины, если нарушают пост или нерегулярно молятся. На их жизнь, таким образом, большее влияние оказывают институты, а не институции. Это, конечно, прежде всего, миряне.

Внутренняя религиозность проявляется в том, что служение (богу ли, достижению ли трансцендентной цели) становится центром духовной и практической жизни верующих: религиозные идеи, настроения, эмоции находятся в центре их существования, они переживают самые высокие и положительные чувства, осознавая свое призвание как служение высшей цели и «наставление» других верующих, а также «заблудших», на этот путь. В данном случае мы имеем дело с преобладанием религиозных чувств над нерелигиозными, институций в жизни людей – над институтами. Если они не испытывают во всей полноте предписанных чувств, то и переживают это как свою духовную несостоятельность, неспособность откликнуться на «зов свыше». Пример таких людей – «святые», монахи, церковные иерархи, священники.

Внутренняя религиозность достаточно устойчива, внешняя – быстро усваивается и также быстро может исчезнуть, но чем прочнее лежащие в ее основе религиозные чувства, тем она устойчивее. Исходя из этого, задачи религиозных педагогов и лидеров, священнослужителей, актива общин, т. е. всех, кто так или иначе причастен к процессу религиозного воспитания и образования – пробуждение этих чувств в человеке, а затем их закрепление. Это объясняет, почему такое большое внимание уделяется религиозному воспитанию детей с раннего возраста, ибо заложенные в это время религиозные чувства наиболее устойчивы и воспринимаются как должное. Как верно отмечают психологи, чувствам не научаются, но они воспитываются, а чем раньше осуществляется воспитание человека, тем оно результативнее.

Конечно, чувства люди могут внушать и сами себе, но на индивидуальном уровне это происходит достаточно редко. Наиболее распространенный вариант – когда чувства внушаются другими людьми, или когда самовнушение осуществляется в процессе коллективных действий. Во время религиозных празднеств, культовых действий с участием большого числа верующих действуют общие психологические механизмы, посредством которых «передаются» эмоциональные состояния: внушение, подражание, заражение. Это же происходит и в религиозной общности: религиозные лидеры, другие члены общности поддер-

живают в верующих определенные чувства, что способствует их сохранению. В процессе коммуникативной культовой практики осуществляется также взаимное внушающее воздействие, индивидуальные чувства уходят на «второй план», наиболее важными становятся переживания, сближающие людей.

Значение, придаваемое воспитанию религиозных чувств, обусловлено сущностью религии как веры в достижение особого трансцендентного состояния (блаженной вечной жизни). Формирование спектра религиозных чувств в конечном счете приводит и к упрочению самой веры. В отношениях верующих с богом, другими трансцендентными сущностями каждая из сторон выполняет определенные роли, равно как и относительно других верующих. Любая роль институционализована, т. е. содержит совокупность норм и правил, предписывающих субъекту соответствующие действия относительно других. Особенность институционализированной роли верующего заключается в том, что она включает предписанные чувства, ибо с особой реальностью можно взаимодействовать в основном через чувства. В зависимости от конкретных ситуаций общая роль – верующего, входящего в какую-либо общность – конкретизируется в ролях молящегося, кающегося, паломника, послушника и т. п. Усвоение каждой из них предполагает восприятие стереотипов мышления, чувствования, поведения, что и происходит в процессе религиозного воспитания и образования.

Религиозные чувства – это те же самые человеческие чувства, но направленные, в конечном счете, не на естественные, воспринимаемые объекты, а на трансцендентную реальность, которая и становится главным объектом переживания. Иными словами, они обычны, трансцендентен их объект. Подобную позицию мы находим у В. Джемса, Мэлони Ньютона Г. [6]. Конечно, теологи иначе понимают природу таких чувств, признавая их принципиальное отличие от светских как по происхождению, так и содержанию. В частности, христианская традиция рассматривает их как внушенные богом: он предписал человеку любить себя, ближних и врагов, стремиться к духовной чистоте и возвышенности, раскаиваться в совершенном грехе и т. п. С иной, нетеологической позиции, эти чувства человек приобретает в процессе общения с другими людьми, они «подсказываются» ему в семье, религиозной общине, в процессе участия в ритуальных действиях, «впитываются» им и воспринимаются уже как присущие имманентно. Так, чувство одиночества, заброшенности обуславливает стремление индивида к слитности с коллективом, группой и может быть

реализовано в различных общностях. А вот сочетание желания освободиться от «груза» одиночества с надеждой на достижение благой вечной жизни становится основой сближения религиозных людей.

При этом все переживания верующего по поводу трансцендентных объектов и состояний имеют важное значение в его повседневной жизни, по своему воздействию на нее они часто превосходят все другие чувства. Переживания, вызванные трансцендентным объектом, становятся ориентирами, направляющими большинство поступков личности, причем касающихся не только особых, но и обыденных объектов и явлений. Среди нерелигиозных переживаний человека мы можем назвать те же самые, что и среди религиозных: смирение, покорность, раскаяние, но они достаточно часто сопряжены с раздражением, отрицательными эмоциями. Аналогичные религиозные чувства сопровождаются ощущением торжественности, благости, радости, у смирившегося верующего, в отличие от неверующего, настроение поднимается, а не падает.

Иными словами, религиозные чувства усиливают положительные эмоции: радость, любовь, ощущения духовного блаженства, ясности духа, чистоты и стойкости и т. п. Эти состояния приобретают для человека ценность сами по себе, вследствие чего возникает стремление к их воспроизводству. Когда у людей спрашивают, что им дает религиозная вера, связанное с ней участие в культовой практике, они чаще всего называют различные чувства: уверенность, надежду, облегчение, очищение, умиротворение и т. д. К этому, думается, можно добавить и освобождение от бремени самостоятельности и принятия решений. Эта функция закрепляется за высшими силами и ее «представителями» на земле. Далеко не каждый стремится к самостоятельности в действиях, ибо она сопряжена с ответственностью, гораздо проще «делегировать» это лидеру, наставнику, а еще лучше – высшей силе.

Верующий, испытавший однажды чувство торжественного, восторженного настроения, положительные эмоции от единения с другими во время участия в богослужении или совершении таинств, от надежды на осуществление желаемого, стремится к их воспроизведению, что снова и снова приводит его в общину или церковь. По свидетельствам верующих, переживших однажды благодать, а потом утративших это состояние, они стремятся его вернуть, предпринимая для этого усилия, в том числе и по самовоспитанию.

Стремление верующих к воспроизводству религиозных чувств способствует их институционализации. Получается, что последняя обусловлена

двумя встречными процессами: с одной стороны, конфессиональные институции возникают благодаря «исхождению» от трансцендентного субъекта, становятся личностными состояниями в процессе воспитательного воздействия; с другой, – верующие не просто пассивно воспринимают эти состояния как данность, а сами делают все возможное для их постоянного поддержания.

На наш взгляд, можно выделить собственно религиозные и предрелигиозные чувства. К последним могут быть отнесены: переживание конечности индивидуального личностного бытия, страх смерти и одновременно желание жить вечно, ощущение одиночества, заброшенности, безысходности окружающего мира как чужого и т. п. Эти чувства можно также назвать религиозными, т. е. порождающими религию. Сами по себе они нерелигиозны, но могут, в силу особой развитости у некоторых индивидов, осмысливаться соответствующим образом, в результате чего возникают рациональные конструкции в виде религиозных доктрин, рисующие мир, в котором эти чувства находят удовлетворение. Наиболее интенсивны они у «религиозных гениев» (У. Джемс), «религиозных виртуозов» (М. Вебер), в силу чего занимают в их жизни ведущее место. Вся мирская деятельность представляется им незначительной, свое призвание они видят в осознании этих чувств, формулировании и распространении возникших вследствие этого идей, не ставя при этом цели получить за это какое-либо вознаграждение от последовавших за ними учеников.

У обычных людей, становящихся впоследствии рядовыми верующими, такие чувства не являются преобладающими, они сочетаются с нерелигиозными чувствами, и в разных условиях повседневной жизни на первый план выходят то одни, то другие. Так, предписание мирянину любить бога и поклониться его воле не «заслоняет» и не заменяет в его жизни любви к детям и родителям, он не посвящает всю свою жизнь служению богу, а отводит ей определенное время, значительно меньшее, чем выполнению профессиональных и семейных обязанностей.

Скорее всего, формирование религиозных чувств у мирян происходит несколько иначе, чем у пророков и основателей религий. Переживание ими названных выше чувств (страха, ощущения конечности земного бытия и т. п.) и их осознание ставит перед индивидами вопросы и заставляет искать на них ответы, которые содержатся в уже существующих религиозных доктринах. Это ни в коем случае не означает, что наличие таких чувств делает всех без исключения верующими, они «приводят» в религиозные объединения лишь только

часть людей. В рамках общностей, встречаясь с объяснением подобных состояний, они не только получают рекомендации, как жить дальше, но и приобретают совершенно новое мироощущение. Последнее же включает в себя множество уже собственно религиозных чувств, весь комплекс которых вырастает из основного чувства – религиозной веры.

Переход от предрелигиозных чувств к собственно религиозным сопровождается, прежде всего, изменением мироощущения: появляется уверенность в будущем, гармонизируются отношения человека с миром, важнейшую роль в этом процессе играют религиозное воспитание и образование, осуществляемые, прежде всего, в различных религиозных общностях. Во-первых, благодаря «попаданию» в такие общности индивид может приобрести новое мироощущение. Общеизвестно, что формирование чувств происходит только в общении. Последнее же предполагает наличие общности. Во-вторых, благодаря общности происходит удовлетворение потребности в воспроизводстве чувств, представляющих ценность для личности, а также в общении с людьми, переживающими аналогичные эмоциональные состояния, что способствует и воспроизводству самих религиозных общностей. В-третьих, у людей, стремящихся к достижению одних и тех же целей, возникают и объединяющие чувства, а поскольку трансцендентная цель неисчерпаема, на ее основе воспроизводится религиозная общность, а вследствие этого – и связанные с ней чувства.

Религиозная вера – осознанное чувство, отсюда и возможность его воспитания, равно как и чувств, связанных с верой. Институционализированные религиозные чувства находят обоснование в доктринах, в свою очередь, последние наполняют их содержанием. Любой иррационалист-мистик знает, что есть или бог, или вечное блаженство, верит в них, в возможность достижения благодати, отдается этой вере и убеждает себя, что может обойтись без теологии, без доктрины. Однако стоит убрать представления о трансцендентном, о блаженной вечной жизни, и от религиозной веры ничего не останется. Сторонники психологического объяснения религии проводят мысль о том, что чувство важнее доктрины, так как из него «вырастает» религия. Может быть, в случае «творения» религий «религиозными гениями» это можно признать, но и здесь рациональность играет очень важную роль, ибо неосознанное чувство бессмысленно. Чувство бессмертия, желания вечной жизни существует только тогда, когда человек осознает, что такое бессмертие.

Чувства (например, страх, отчаяние и т. п.) могут ощущаться на подсознательном уровне, быть как бы беспричинными. Религиозная доктрина объясняет, что такое страх, почему он возникает и как его преодолеть. Идеи торжествуют, становясь верованиями, а последние способствуют воспроизводству идей, принимая их без сомнения. На доктринальном уровне дается также обоснование того, какие конфессиональные институты должны преобладать, а какие следует преодолевать. Поскольку доктрины уже сформированы и их сакральный характер не позволяет что-либо изменять, эта роль «ложится» на плечи теологов.

Доктрины становятся общедоступными, когда они не очень сложны для восприятия большими массами людей. Религиозные доктрины в их упрощенных вариантах, облеченные в образную форму (что и имеет место в священных книгах), понятны и доступны, содержащиеся в них идеи неоднократно повторяются во время богослужений, в проповедях, молитвах, воздействуя этим не только на разум, но и на чувства. Религиозные доктрины воспроизводятся не столько доказательствами, сколько образами, они же создаются и закрепляются через институционализованные чувства. В этом состоит роль конфессиональных институций в формировании религиозных доктрин. Идеи, сведенные к элементарным положениям и регулярно повторяемые, воздействуют на глубинные мотивы поведения, каковыми являются чувства. Религиозная дисциплина бывает не только внешней, но и внутренней, ее воплощением и выступает следование конфессиональным институциям. Примером ее проявления можно считать стойческое, даже благодарное восприятие страдания, непротивление злу и т. п. Подобные институции оформляются доктринально, в этом проявляется их воздействие на формирование доктрин.

Осознание и описание чувств приводит, таким образом, к возникновению доктрин, однако, в силу феномена «невысказанности» чувств, они выражаются рациональным образом лишь частично. Религиозные доктрины являют собой сочетание описаний переживаний, интуиции и доводов разума. Так, важнейшим религиозным переживанием является ощущение счастья, понимаемого как неземное блаженство, и верующий, естественно, стремится его сохранить и постоянно воспроизводить. На рациональном уровне оно осознается как трансцендентная цель, возникают представления о способах ее осуществления, на деятельностном – складываются и закрепляются способы его достижения.

Усвоение религиозной доктрины, таким образом, означает и формирование определенных чувств, последние же способствуют безоговорочному принятию вероучения, что также подтверждает неразрывную связь религиозного воспитания и образования. Существование этой связи должно обязательно учитываться при рассмотрении вопроса о границах «допустимости» религиозного образования в систему светского. Безусловно, в рамках религиозных общностей и системы религиозного образования будут реализовываться принципы, вытекающие из сути конфессии. Когда же речь идет о его «внедрении» в светское образование, то имеет смысл задуматься над вопросами: какие качества, чувства, жизненные ориентиры будут формироваться у детей, молодежи и насколько они помогут им «вписаться», адаптироваться в современном мире? Эта проблема заслуживает особого обсуждения, может быть, в одной из последующих статей.

Литература

1. Михайлов А. Г. Об особенностях религиозной ситуации в Российской Федерации в период после принятия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информ.-аналит. бюл. 1999, № 2.
2. Кудрина Т. А., Колодин А. В. Проблема «школа и религия» в системе государственно-церковных отношений // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информ.-аналит. бюл. 1999, № 3.
3. Основы новой социальной концепции Русской Православной Церкви // Православная газ. Екатеринбург. 2000, № 18 (134).
4. Филиппов В. М. Гуманистическая роль образования: православие и воспитание // Педагогика. 1999, № 3.
5. Русская линия: Православ. информ. агентство: [Web-сервер [www. rusk](http://www.rusk) Проблемы церковной жизни. Рождественские чтения] // Православный Ярославль. 1999, № 1.
6. Джемс В. Многообразие религиозного опыта. СПб., 1992; Мэлони Ньютон Г. Религиозный опыт: феноменологический анализ уникального поведенческого события // Человек. 1992, № 4.